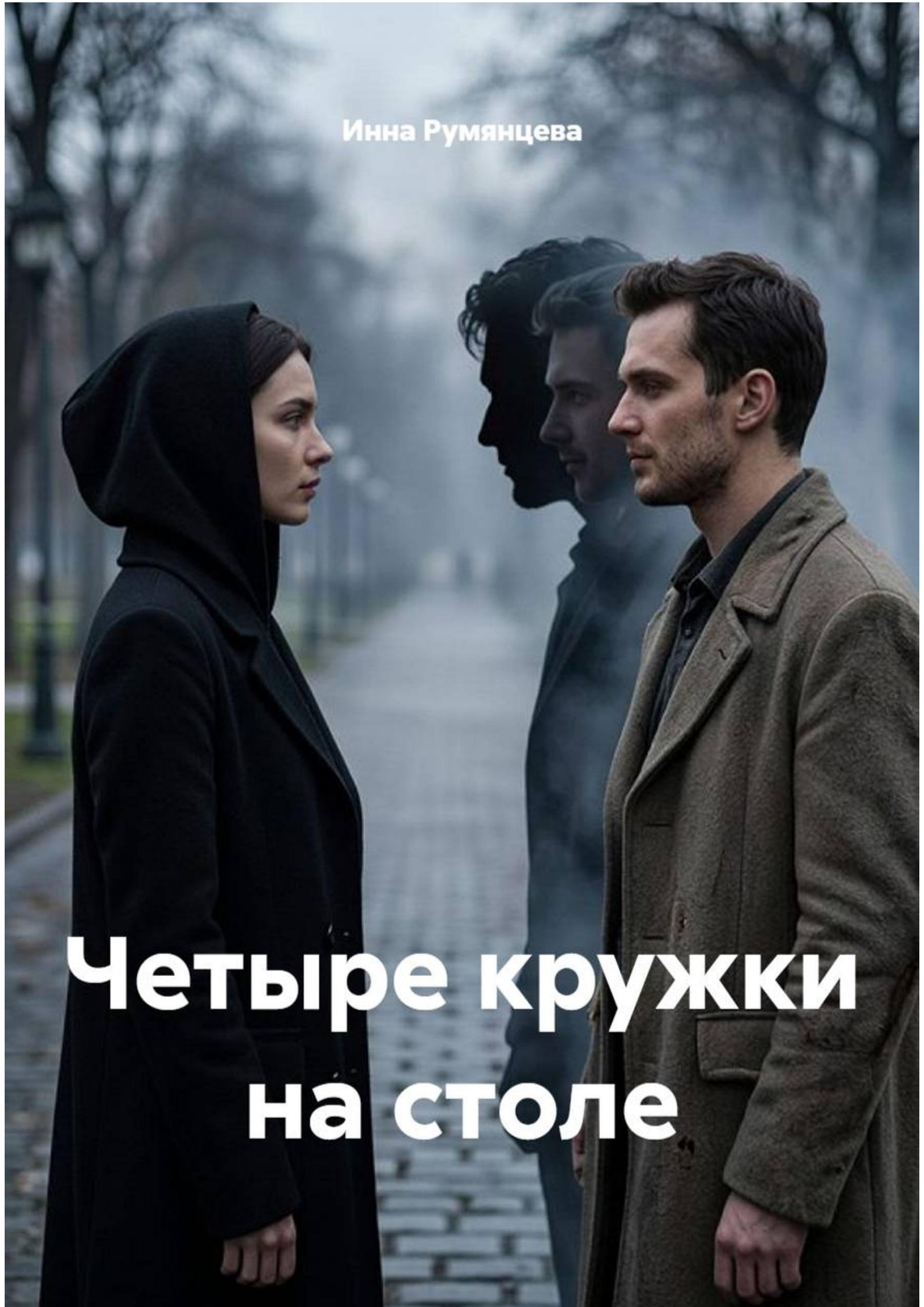

Инна Румянцева

Четыре кружки на столе

Инна Румянцева

Четыре кружки на столе

«Автор»

2026

Румянцева И.

Четыре кружки на столе / И. Румянцева — «Автор», 2026

Где живёт любовь, если в одном теле — три сердца? И как звучит тишина, когда в неё врывается четвёртое? Октавия — профайлер, женщина-тень, привыкшая анализировать тьму, но не жить в ней. Себастьян — художник, чья душа расколота на трое: нежный Себастьян, воин-защитник Бастиан и вечный ребёнок Майло. Их встреча в ноябрьском парке запускает цепь событий, которая либо соберёт осколки в целое, либо разобьёт всё окончательно. Это не просто история любви. Это исследование. Три пути, шесть финалов, один дом. Вы можете выбрать, кем станут герои: друзьями, любовниками или заложниками собственного выбора. Но в каждом из миров их объединяет одно — четыре кружки на столе, каждая со своей трещиной, каждая — часть одного целого. Почему стоит прочитать: Уникальный формат «книги-мультивселенной», где читатель сам выбирает путь для героев. Глубокая психологическая достоверность, трогательная история о принятии чужой тьмы и поиске света в самых неожиданных местах.

© Румянцева И., 2026

© Автор, 2026

Инна Румянцева

Четыре кружки на столе

ЧЕТЫРЕ КРУЖКИ НА СТОЛЕ

Психологический роман о природе любви, травмы и исцеления

ОТ АВТОРА

Эта книга — не учебник по психологии. Не пособие по отношениям. Не исповедь. Это — исследование.

Когда я начинаю работать над этим романом, я хотел рассказать историю любви. Обычную историю: встретились, полюбили, преодолели трудности. Но чем глубже я погружался в материал — в тему диссоциативного расстройства идентичности, в тему травмы, в тему профайлинга, — тем яснее понимал: обычная история здесь невозможна.

Травма не имеет единственного сценария. Любовь не имеет единственного сценария. Отношения — тем более. Одна и та же встреча, одни и те же люди могут привести к совершенно разным исходам. В зависимости от выбора. От случайности. От того, кто решится на шаг первым.

Поэтому эта книга рассказывает не одну историю, а три. Не потому что я не смог выбрать. А потому что выбрать невозможно. Каждый из трёх путей — возможен. Каждый из шести финалов — реален для кого-то.

Вы можете прочитать эту книгу один раз, выбрав тот путь, который ближе вам. Вы можете прочитать её трижды, исследуя все возможности. Вы можете читать её в любом порядке. Каждая реальность самодостаточна. Но вместе они создают объёмное, стереоскопическое видение любви — не как формулы, а как пространства возможностей.

В основе этого романа лежат реальные психологические исследования: современные работы по диссоциативному расстройству идентичности (код 6B64 по МКБ-11), методы криминального профайлинга, шкала психопатии Хаэра (PCL-R). Я консультировался с практикующими специалистами. Я стремился к достоверности — не документальной, но психологической.

Эта книга — о тёмной стороне любви. О том, что близость — это не всегда свет. О том, что травма формирует нас — но не определяет. О том, что дом — это не место, а люди.

И о кружках на столе. Которые ждут, когда все вернутся.

ЭПИГРАФ КО ВСЕЙ КНИГЕ

«Любовь — это не свет. Любовь — это кружка с трещиной, которая не протекает только потому, что кто-то держит её осторожно. Любовь — это тень, которая выбирает свет. Любовь — это четыре сердца, бьющихся в унисон, даже когда одно из них — тёмное».

— Из дневника Бастиана

КАК ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ

Эта книга состоит из Пролога и пяти частей.

Часть I — общая для всех. В ней Октавия встречает Себастьяна и его систему, знакомится с Бастианом и Майло, сталкивается с Евой. Эти главы закладывают фундамент всего, что будет дальше.

В конце Части I вы увидите страницу-развилку. С этого момента история расходится на три независимых пути.

Часть II. Путь первый: Друг. Октавия и Бастиан строят глубокую платоническую дружбу. С Себастьяном — романтические отношения. Это путь о том, что любовь бывает разной — и дружба не меньше, чем страсть.

Часть III. Путь второй: Любовник. Октавия любит обоих — Себастьяна и Бастиана. Полиамория внутри системы. Это путь о том, что любовь не делится — она умножается.

Часть IV. Путь третий: Треугольник → Выбор. Октавия разрывается между двумя. Выбирает Себастьяна. Бастиан ревнует. Себастьян и Бастиан договариваются за её спиной. Это путь о предательстве, прощении и искуплении.

В конце каждого пути — два возможных финала: в одном личности остаются раздельными, в другом — интегрируются.

Вы можете прочитать любой путь как самостоятельную историю. Вы можете прочитать все три — в любом порядке. Вы можете вернуться и перечитать другой путь, чтобы увидеть ту же историю иначе.

Добро пожаловать в дом на четыре сердца.

ПРОЛОГ. Тень, которая ждёт

«Тень не имеет права хотеть. Но я хочу. Я хочу, чтобы кто-то положил камень на подоконник для меня. Не любовник — я не умею быть любовником. Я умею только защищать. Но друг. Соратник. Кто-то, кто увидит меня — не как функцию, как личность. Кто-то, кто скажет: ты важен. Ты — часть».

— Бастиан, из дневника

1

Гладкая галька лежит на подоконнике. За окном — серое ноябрьское небо, чёрная вода канала, голые ветки, царапающие стекло, как пальцы. В комнате тихо — только ветер гудит в щелях старой рамы, и где-то внизу, на набережной, лает одинокая собака.

Три кружки на столе. Одна — с отбитым краем.

Бастиан стоит у окна. Он не спит. Он никогда не спит, когда городу больно. А городу больно почти всегда.

Ему двадцать девять лет — столько же, сколько телу. Но сам он появился двадцать шесть лет назад, в тишине после удара. Ему было ноль секунд — и одновременно три года. Он не рождался. Он был создан. Создан для защиты, для памяти, для боли. Создан, чтобы взять на себя то, что Себастьян не мог вынести.

Он помнит всё. Аварию — визг собаки, скрежет металла, запах крови, а потом тишина, такая глубокая, что в ней можно было утонуть. Мать — её лицо перед ударом, её руки, которые толкнули его в сторону, её голос, который он слышал в последний раз: «Себастьян!» И всё. Тишина. И он появился в этой тишине.

Детдом. Побои. Унижения. Голод. Холод. Он помнит каждую секунду этих двадцати шести лет. Это его функция. Его проклятие. Его дар.

Внизу, под фонарём, стоит женщина в чёрном пальто. Четвёртый вечер подряд. Она приходит между полуночью и часом, когда даже фонари гаснут через один. Стоит ровно пятнадцать минут — Бастиан засекал по старым часам на стене. Смотрит на окна. Потом уходит в темноту.

Ева.

Он помнит её голос — острый, как лезвие. Помнит каждое слово: «Ты слишком чувствительный для мужчины. Ты как тряпка. Ты не можешь взять меня». После этих слов Себастьян закрылся — захлопнулся, как дверь в подвал. И Бастиан вышел вперёд. Взял тело. Взял боль. Взял всё, что Себастьян не мог вынести.

Теперь она стоит под фонарём. Она думает, что она — спасительница. Она думает, что может исправить прошлое. Она не понимает, что прошлое не исправляют — его принимают. Или носят как шрам.

Бастиан мог бы спуститься. Мог бы выйти в ночь, подойти к ней, сказать то, что она должна услышать. Но он не двигается. Он ждёт. Он умеет ждать.

Он отходит от окна. Берёт с подоконника камень — острый обсидиан, чёрный, с режущими гранями. Такой он оставляет, когда ему больно. Такой он оставил в день годовщины

смерти матери. Себастьян не заметил — он был внутри, в своей боли. Но камень лежал. Напоминание.

Он кладёт обсидиан обратно. Берёт другой — гладкую гальку, отшлифованную водой. Этот он носит в кармане. Талисман. Единственное, что принадлежит только ему. Единственное, что он может дать другому — когда придёт время.

Он открывает дневник. Тетрадь в клетку, потрёпанная, с загнутыми уголками. Пишет:

«Женщина в чёрном. Четвёртый вечер. Знает адрес. Знает имя. Хочет вернуть. Не получается. Я здесь».

Закрывает тетрадь. Смотрит на три кружки. Тёмно-синяя — Себастьяна. Маленькая с уткой — Майло. Чёрная с отбитым краем — его. Он сам выбрал эту кружку в магазине три года назад. Себастьян не знает — думает, что кружка всегда была. Но Бастиан помнит: он стоял перед полкой и выбирал. Не синюю, не белую — чёрную с отбитым краем. Потому что она была несовершенна. Как он.

«Скоро», — говорит он вслух. И сам не знает, что имеет в виду. Скоро она придёт? Скоро всё изменится? Скоро у него будет друг?

За окном Ева тушит сигарету и уходит в темноту. Фонарь мигает — и гаснет. Бастиан остаётся в темноте. Он не зажигает свет. Ему не нужен свет. Он сам — тень. Но даже тень может ждать. Даже тень может хотеть. Даже тень может мечтать о друге.

2

В другой части города, в маленькой квартире на пятом этаже, Октавия сидит за столом. Перед ней — диктофон, ноутбук, папки с делами. Она только что закончила профиль серийного поджигателя. Три дня без сна. Четыре чашки кофе. Пять перепроверок. Профиль точный — она знает это. Поджигателя возьмут в течение недели. Очередное дело закрыто. Очередной маньяк пойман. Очередная галочка в списке.

Она включает диктофон — старый, потрескавшийся, привычный. Начинает говорить — не для дела, для себя:

«Объект: женщина, тридцать один год. Профессия — профайлер-криминалист, клинический психолог. Характеристики: эмоциональная сдержанность, избирательность в контактах, высокая работоспособность, аналитический склад ума, стратегическое мышление. Особенность: семь совпадений с профилем психопатии по шкале Хаэра, успешно сублимированных в профессиональную деятельность. Прогноз: при сохранении текущей траектории — дальнейший профессиональный рост. Зона роста: развитие способности к эмоциональной близости».

Она останавливает запись. Смотрит на свою единственную кружку — чёрную, без рисунка, без истории. Она купила её в супермаркете три года назад, потому что старая разбилась, и не видела смысла выбирать что-то «особенное». Кружка — это просто кружка. Функция.

У неё никогда не было «своей» кружки. В детстве у матери был сервиз — белый, с золотой каймой, для гостей. Октавии не разрешали из него пить. «Разобьёшь». Она пила из старой кружки с отбитой ручкой — и эта кружка была ей дороже парадного сервиза. Когда ручка наконец отвалилась, кружку выбросили. Никто не заметил.

Она думает о своём профиле. Семь совпадений с маньяками. Жажда контроля. Манипулятивность. Холодность в стрессе. Она не маньяк. Пока. Потому что каждый день выбирает не быть.

Она смотрит на чёрную кружку. Без истории. Как её жизнь.

«Я не умею любить, — думает она. — Я умею анализировать. Я умею составлять профили. Я умею вычислять маньяков по семи параметрам. Но я не умею чувствовать. Не так, как обычные люди. Мои чувства — холодные. Расчётливые. Инструментальные».

Она выключает диктофон.

«Завтра я пойду в парк, — решает она. — Просто гулять. Не работать. Не анализировать. Просто... быть».

Она не знает, что завтра в парке она встретит мужчину с мольбертом. Мужчину, который изменит всё.

ЧАСТЬ I. ВСТРЕЧА

«Вода помнит всё. Даже то, что мы забыли. Кружка помнит тепло рук. Стол помнит, сколько чашек на нём стояло. А сердце помнит всех, кто из него пил».

Глава 1. Парк в ноябре

«Вода в пруду была чёрной, как нефть. Утки скользили по ней бесшумно. И только один человек сидел на берегу — мужчина с мольбертом, который рисовал так, будто от этого зависла его жизнь. И где-то в кармане у него лежала пачка сигарет, которые он никогда не курил — потому что это была пачка Бастиана».

1.1

Ноябрь в этом городе всегда был особенным. Не просто холодным и тёмным — он был наполнен какой-то особенной, пронзительной тоской. Как будто сам воздух помнил все потери, все расставания, все слова, которые не были сказаны. Серое небо висело низко, цепляясь за голые ветки старых вязов. Чёрная вода пруда отражала их — кривые, изломанные, как вены на старческих руках.

Октавия пришла в парк около десяти утра. Она не планировала здесь работать — просто гулять, дышать, думать. Но профессиональная привычка оказалась сильнее: она села на скамейку, подняла воротник пальто и начала автоматически сканировать прохожих.

Диктофон в кармане — старый, потрёпанный, с треснувшим корпусом. Она наговаривала заметки тихо, почти беззвучно.

«Мужчина с портфелем. Возраст — сорок пять — пятьдесят. Юридическая профессия — адвокат или нотариус. Разводится — отсутствие обручального кольца при характерном следе на безымянном пальце. Алкогольная зависимость первой стадии — телеангиоэктазии на лице, характерная сетка. Трудоголизм как компенсаторный механизм — портфель переполнен документами, характерная асимметрия плеч от постоянного ношения тяжестей».

«Женщина с коляской. Возраст — двадцать восемь — тридцать два. Первый ребёнок. Хронический недосып — тени под глазами глубже возрастной нормы. В анамнезе — творческая профессия: остатки краски под ногтями, не отмывается неделями. Скучает по себе прежней. Чувство вины — компенсаторное поведение: поправляет шапочку ребёнку слишком тщательно, с избыточной заботой».

Она выключила диктофон и потёрла переносицу. Глаза устали. Она провела за составлением профиля серийного поджигателя всю ночь. Она знала, что профиль точный, но всё равно перепроверяла. Потому что ошибка профайлера стоит кому-то жизни. Потому что, если она ошибётся, голос отца внутри скажет: «Я же говорил. Ты недостаточно хороша».

Она сунула диктофон в карман и уже собиралась уходить, когда заметила его.

Мужчина с мольбертом.

Он сидел на раскладном стуле у самой воды. Рисовал уток — тех самых, что скользили по чёрной глади пруда, не обращая внимания ни на ноябрь, ни на холод, ни на людей. Его руки были испачканы углём до запястий, но движения — нежные, точные, почти любовные. Чёрный шарф обмотан вокруг шеи несколько раз — хотя было не настолько холодно. Старый свитер с растянутыми рукавами. Длинные пальцы с вьёвшейся под ногти краской — художник, профессиональный или очень увлечённый.

Октавия поймала себя на том, что смотрит дольше, чем нужно для профайлинга. Дольше, чем позволяла профессиональная этика. Дольше, чем разрешала себе женщина, которая давно запретила себе смотреть на мужчин.

Она одёрнула себя. Достала диктофон.

«Объект: мужчина, около тридцати. Художник — профессиональный или очень увлечённый: характерные следы краски под ногтями и на костяшках. Левша — мел стёрт с левой стороны. Курит или носит сигареты для кого-то — пачка в левом кармане пальто, видна по оттянутой ткани. Не женат — отсутствие кольца и характерного следа. Хроническая бессонница — тени под глазами глубже, чем должны быть в его возрасте. Травма. Глубокая. Связана с телом — обратите внимание, как он двигается: осторожно, будто просит прощения у собственных рук».

Она остановила запись. Что-то не сходилось.

Она смотрела на него — и видела не одного человека. Его осанка менялась почти незаметно, как мерцание света. Вот плечи опущены, голова наклонена — уязвимость, мягкость. Вот спина прямая, подбородок поднят — сила, вызов. Вот уголок губ дрогнул, глаза стали шире — и она увидела ребёнка.

Это происходило за секунды, но Октавия замечала такие вещи.

Она включила диктофон снова.

«Дополнение. Объект демонстрирует признаки диссоциации. Смена осанки, предположительно тембра голоса, паттернов микромимики. Наблюдаются как минимум три различных паттерна поведения. Хозяин — уязвимый, травмированный. Протектор — сильный, собранный. Детская часть — спонтанный, открытый. Предположительно — диссоциативное расстройство идентичности по МКБ-11. Нужно больше данных. Наблюдать. Не давить. Ждать».

Она выключила диктофон и замерла.

ДРИ. Она сталкивалась с этим в клинической практике дважды. Один раз — успешно: пациентка научилась жить со своей системой, нашла работу, завела семью, писала Октавии благодарственные письма каждый Новый год. Второй раз — нет. Пациент покончил с собой через три месяца после начала терапии, потому что никто не верил, что он — не сумасшедший. Она помнила его имя — Андрей. Помнила его лицо — худое, с огромными глазами. Помнила его голос по последнему телефонному разговору: «Вы единственная, кто меня видит. Но я всё равно не могу. Простите». Она не простила себя до сих пор.

Сейчас перед ней — живой человек, и он, кажется, нуждается в том, чтобы его увидели. Или, может быть, это ей нужно увидеть его — она ещё не решила.

Она встала. И пошла к пруду.

1.2

Утки заметили её первыми. Крупный селезень с наглым взглядом подплыл ближе, ожидая хлеба. Мелкая уточка с тёмным пятном на крыле спряталась в камыши — только голова торчала. Третий, с задранной клювом, что-то сердито прокрякал и отогнал первого.

Октавия остановилась у мольберта.

— Вот эта, в камышах, — сказала она, указывая на набросок. — Она боится, но ей любопытно. Вы даже имя ей дали — Тенька, да?

Мужчина замер. Мел повис в воздухе, оставляя неровную линию на бумаге. Он обернулся — и Октавия увидела его глаза. Карие, глубокие, с чем-то тёмным на дне. Как вода в этом пруду. Как бездна, в которую страшно смотреть — но невозможно отвести взгляд.

— Вы их знаете? — спросил он. Голос был тихий, с хрипотцой — будто он не пользовался им несколько дней. Будто слова были для него редкостью.

— Нет. Но я знаю людей. Утки не сильно отличаются. У них тоже есть паттерны поведения. Доминантный самец, тревожная самка, старый лидер. Вы их наблюдаете — и даёте имена. Это форма привязанности.

Он почти улыбнулся — уголки губ дрогнули, но улыбка не состоялась. Как будто он разучился улыбаться и теперь вспоминал, как это делается.

— Вы психолог.

— Профайлер. Это немного другое. Я составляю портреты преступников. И не только.

— И что вы видите? Во мне?

Октавия помедлила. Обычно она не отвечает на такие вопросы. Обычно она говорит: «Я не на работе». Обычно она вежливо уходит. Но сейчас, стоя у чёрной воды, под серым небом, глядя в его глаза, она сказала правду:

— Вы левша. Носите сигареты для кого-то — пачка в левом кармане, видно по оттянутой ткани. Спите плохо — тени под глазами глубже, чем должны быть в вашем возрасте. Носите шарф, даже когда не холодно, — прячетесь, это защитный жест, способ создавать безопасное пространство вокруг себя. И вы двигаетесь так, будто ваше тело — это то, чему вы заново учились доверять.

Тишина. Утки плескались в воде. Ветер трепал край его шарфа. Где-то далеко прокричала ворона.

— Вы правы, — сказал он наконец. — Кроме одного. Я не курю. Это пачка Бастиана.

Он сказал это так просто, как говорят: «Это пальто моего брата». Как будто Бастиан был кем-то, кто живёт в соседней комнате. Не внутри него — рядом.

— Бастиана?

— Это долгая история.

— У меня есть время.

Он посмотрел на неё — долго, изучающе. Так смотрят на картину, пытаясь понять, что скрыто под верхним слоем краски. Так смотрят на незнакомца, который вдруг оказался слишком знакомым.

— Я Себастьян, — сказал он.

— Октавия.

— Можно я вас нарисую?

— Зачем?

— Вы анализируете всех. Позвольте кому-то проанализировать вас.

Она должна была отказаться. У неё был профиль поджигателя, который нужно закончить к вечеру. У неё были пациенты, которые ждали её завтра. У неё была жизнь, расписанная по минутам — она сама так её расписала, чтобы не оставлять времени на тьму.

Но она села на скамейку. И позволила ему рисовать.

Он работал быстро — уголь скользил по бумаге, оставляя чёрные штрихи. Его рука двигалась уверенно, без колебаний — не так, как всё остальное тело. Здесь он был в своей стихии. Здесь ему не нужно было просить прощения.

Октавия наблюдала за ним — и замечала смены. Вот плечи опустились, голова наклонилась — он погрузился в работу, стал мягче. Вот плечи расправились на секунду — кто-то внутри него напомнил о себе. Вот уголок губ дрогнул — и она увидела ребёнка. Того, кто рисовал уток с именами. Того, кто знал, что Тенька боится, но всё равно приходит.

Она видела трёх. Ещё до того, как он сказал.

Через пять минут он показал набросок.

Октавия увидела себя — и не узнала. Женщина на портрете была уставшей, с тенями под глазами, с жёсткой складкой у рта — следом многолетней борьбы. Но в глазах был свет. Тот самый, который она прятала. Тот самый, который она считала давно погасшим.

— Так выглядит человек, который слишком много думает о других и слишком мало — о себе, — сказал Себастьян.

— Вы меня совсем не знаете.

— Я знаю достаточно. Вы подошли к незнакомцу, потому что вам стало интересно — большинство людей проходят мимо. Вы заметили Теньку в камышах, хотя все остальные видят только Кряквальского. И вы не боитесь.

— Чего?

— Меня. — Он помолчал. — Вы видите, что я не один. Я знаю, что вы видите. Я вижу, как вы смотрите — не на меня, на нас. Вы уже посчитали.

Октавия не стала отрицать.

— Три, — сказала она тихо. — Я вижу три паттерна. Хозяин — вы. Протектор — тот, кто носит сигареты. Детская часть — тот, кто знает имена уток и рисует их с характером.

Себастьян побледнел.

— Вы...

— Я профайлер. Это моя работа — видеть то, что другие не замечают. Я заметила ещё в парке. Смены осанки, микромимика, паттерны дыхания. Три личности. Три способа выжить.

— И вы не боитесь?

Октавия помолчала. Потом сказала то, что редко говорила кому-либо:

— Я боюсь только себя. И иногда этого достаточно.

Она взяла набросок. Бумага была тёплой от его рук.

— Приходите завтра в мастерскую. Я покажу вам их. Всех.

— Я приду.

Она пошла по аллее, сжимая портрет в руке. У выхода из парка остановилась — завязать шарф. И заметила женщину на другой стороне дороги.

Чёрное пальто, чёрные перчатки, чёрный шарф — даже губы были тёмными. Женщина стояла неподвижно и смотрела не на Октавию — туда, где остался Себастьян. Их взгляды встретились на секунду. У женщины было красивое лицо — холодное, острое, как лезвие. И глаза — пустые, несмотря на всю их выразительность.

Октавия знала этот взгляд. Она видела его у маньяков. У тех, кто считает себя спасителями.

Женщина отвернулась и пошла прочь — спокойно, не прячась. Прямая спина, быстрый шаг. Так ходят те, кто привык добиваться своего.

Октавия достала диктофон.

«Дополнение по объекту. Женщина в чёрном, около тридцати пяти. Следит за объектом. Предположительно — бывшая партнёрша. Представляет потенциальную опасность — характерный взгляд спасателя-разрушителя. Запомнить походку. Проверить биографию объекта на наличие травматических отношений».

Она убрала диктофон. Всю дорогу до метро она думала о трёх личностях в одном теле. О мужчине, который боится собственных рук. О защитнике, который носит сигареты и не курит. О ребёнке, который рисует уток. И о себе — женщине с тьмой внутри, которая увидела их и не испугалась.

«Мы одинаковые», — подумала она. И сама не знала, радоваться этому или бояться.

Ночью Октавия сидела на кухне своей квартиры. На столе — набросок Себастьяна, при-
давленный гладким камнем, который она подобрала на набережной месяц назад. Она смотрела
на портрет и думала.

Она знала о своей тьме давно. В двадцать шесть лет, после того как закончила профиль
серийного поджигателя, она села и составила портрет самой себя. Холодно, методично — как
делала с маньяками. И увидела совпадения. Жажда контроля. Умение читать людей. Способ-
ность к манипуляции. Отсутствие эмпатии в моменты стресса.

Она не была маньяком. Но она могла бы им стать. Если бы не выбор. Если бы не дисци-
плина. Если бы не голос внутри, который говорил: «Ты — больше, чем твоя тьма».

Теперь перед ней был человек, который тоже носил тьму внутри. Не одну — три. И он
выжил. И он рисовал уток. И он смотрел на неё так, будто увидел что-то знакомое. Как будто
узнал. Как будто они говорили на одном языке — языке тьмы, которую выбрали не выпускать.

Она включила диктофон в последний раз за вечер.

«Дополнение по себе. Встретила объект с предполагаемым ДРИ. Почувствовала... узна-
вание. Не романтическое — человеческое. Как будто я встретила кого-то, кто говорит на том
же языке. Кто знает, что такое тьма. Рекомендация: быть осторожной. Но, может быть, впер-
вые в жизни — ты можешь быть полезной. Не как спасатель. Не как любовница. Как друг. Как
соратник».

Она выключила диктофон. Посмотрела на камень. На набросок.

И улыбнулась — впервые за долгое время.

Глава 2. Мастерская на набережной

«Дом — это не стены. Дом — это место, где тебя видят. Где ты можешь быть всеми
своими "я" одновременно — и тебя не попросят выбрать кого-то одного. Где твоя тьма может
сидеть у камина и никто не скажет ей: уходи. Где твоя кружка стоит на столе — и ты знаешь:
ты часть».

— Из дневника Бастиана

2.1. Синяя дверь

Мастерская располагалась в цокольном этаже старого дома на набережной Обводного
канала. Чтобы попасть туда, нужно было спуститься на четыре ступеньки вниз, мимо ржавой
водосточной трубы, мимо граффити с рыбой, у которой было человеческое лицо, мимо велоси-

педа, прикованного к перилам уже третью зиму — его переднее колесо давно украли, но замок остался, как памятник чьей-то забывчивости. Дверь была выкрашена в тёмно-синий цвет — цвет чернил, цвет ночного неба перед рассветом, цвет глубокой воды, в которой не видно дна.

Октавия стояла перед этой дверью и думала о том, что делает.

Она не ходила в гости к незнакомцам. Она вообще не позволяла никому подходить слишком близко — держала всех на расстоянии вытянутой руки, потому что так было безопасно. Для них. Для неё. Для всех. Она годами выстраивала эту дистанцию — и теперь собиралась перешагнуть через неё ради человека, которого видела один раз в парке.

В руке у неё была бутылка белого вина. Она не знала, что несут художникам, и выбрала то, что выбрала бы для себя — сухое, холодное, без сантиментов. «Без сантиментов» — это вообще было её кредо. Она прожила с ним тридцать один год.

«Я переступаю черту, — подумала она. — Я вхожу в чью-то жизнь. Я позволяю кому-то войти в мою. Это риск. Это нерационально. Это лучшее, что я делала за последние пять лет».

Она постучала.

Дверь открылась — и на пороге стоял Себастьян. И одновременно не Себастьян.

Плечи расправлены. Подбородок поднят. Взгляд прямой, оценивающий — он сканировал её с ног до головы ровно три секунды. Октавия считала по привычке. Протектор. Бастиан. Он был собран, как солдат перед боем — и одновременно спокоен, как человек, который знает, что бой пока не начался.

— Проходите, — сказал он. Голос был ниже, чем вчера у Себастьяна. Твёрже. С металлическим оттенком, как лезвие, которое долго точили и которое знает своё предназначение. — Себастьян ждёт вас. Он готовил всё утро.

Октавия вошла — и замерла на пороге.

Мастерская была огромной. Не в смысле площади — она была небольшой, метров тридцать, не больше. Но она была огромной внутри, как пещера, как собор, как подсознание, которое решило стать видимым. Стены были увешаны картинами — от пола до потолка, в несколько слоёв, некоторые висели на гвоздях, некоторые просто стояли на полу, прислонённые к стенам. Пейзажи. Портреты. Абстрактные композиции — пятна цвета, которые складывались в лица, если смотреть достаточно долго. И везде, на каждой картине, было что-то тёмное — тень в углу, чёрная птица на ветке, фигура в плаще, стоящая спиной.

— Это его работы? — спросила она.

— Наши, — ответил Бастиан. — Себастьян рисует основу. Майло добавляет детали — уток, камни, смешные вещи, которые никто кроме него не замечает. Я... я добавляю тени. Без них было бы слишком светло. Слишком неправдиво.

Он сказал это без гордости и без стыда — просто констатировал факт. Как говорят: «Я добавляю соль в суп». Как говорят: «Я закрываю окно на ночь». И Октавия вдруг поняла: он

не считает свою тьму недостатком. Он считает её функцией — но не в смысле «я инструмент», а в смысле «я делаю то, что должен, чтобы система была целой». Он — тень, которая делает картину объёмной.

— Это красиво, — сказала она.

— Это правдиво, — поправил он. — Красота — побочный эффект правды.

Из глубины мастерской вышел Себастьян. Сегодня он был в сером свитере с высоким горлом — прятал шею, прятал уязвимость, — и держал в руках три кружки. Тёмно-синюю, маленькую с уткой и чёрную с отбитым краем.

— Чай? — спросил он. Голос был мягче, чем у Бастиана, — с паузами, с придыханием. — Или вино? Вы принесли вино. Это... неожиданно. Обычно мне не приносят вино. Обычно мне вообще ничего не приносят.

Октавия протянула бутылку.

— Я не знала, что несут художникам. Решила, что вино подойдёт. Оно сухое. Без сантиментов.

Себастьян взял бутылку, повертел в руках, прочитал этикетку — и вдруг улыбнулся. По-настоящему. Не той почти-улыбкой, которую Октавия видела вчера, а полной, открытой, с морщинками у глаз. В этот момент он был красив — не правильной, холодной красотой, а живой, человеческой, как огонь в печи.

— Без сантиментов, — повторил он. — Мне нравится это определение. Оно точное. Как профиль.

— Вы запомнили.

— Я всё запоминаю. Это моя... особенность. Я не могу забыть ничего, даже если хочу. Даже если это причиняет боль. — Он помолчал. — Но вчерашний день я хочу помнить.

Он поставил кружки на стол — большой деревянный, заляпанный краской, с выжженным кругом от горячей сковороды, которую кто-то когда-то поставил без подставки. Жестом пригласил её сесть на старый диван с продавленными пружинами. Сам сел напротив, на раскладной стул — тот самый, на котором сидел в парке.

Бастиан отошёл к окну. Он не сел — встал у подоконника, скрестив руки на груди, и смотрел на воду канала за окном. Октавия заметила, что он занял позицию наблюдателя — видел всю комнату, видел дверь, видел окно. Так стояли телохранители. Так стояли снайперы. Так стояли те, чья работа — защищать.

— Вы всегда так стоите? — спросила она.

Бастиан обернулся.

— Что вы имеете в виду?

— Вы заняли позицию, с которой видно всё помещение. Вы держите в поле зрения дверь и окно одновременно. Ваши ноги расставлены на ширине плеч — боевая стойка, но не агрессивная, а оборонительная. Вы готовы к любому развитию событий. Всегда.

Тишина. Где-то за стеной капала вода — мерно, как метроном. Утки за окном что-то прокрякали — кажется, Кряквальский снова затеял драку с Адмиралом.

— Вы видите слишком много, — сказал Бастиан.

— Я предупреждала.

— Я не жалуюсь. — Он помолчал, глядя на неё с тем же оценивающим прищуром. — Я просто... не привык. Что меня видят. Обычно видят Себастьяна. Или Майло. Меня — никогда. Я тень. Тень не должна быть видимой.

— А что, если я хочу видеть?

— Зачем?

Октавия отпила чай — из вежливости, из предложенной кружки, тёмно-синей, Себастьяна. Чай был с бергамотом. Чуть перезаваренный. Именно так, как она любила — хотя не говорила ему об этом.

— Потому что вы — часть системы, — сказала она. — Вы не функция. Вы — личность. И я хочу знать всех троих. Если позволите.

Бастиан молчал долго. Так долго, что Себастьян начал нервно тереть край свитера — привычка, которую Октавия уже заметила. Наконец Бастиан сказал:

— Никто не хотел знать меня. Двадцать шесть лет.

— Значит, вы ждали двадцать шесть лет, — ответила она. — Я здесь сейчас.

Он не ответил. Но что-то изменилось в его позе — плечи чуть опустились, руки разжались. На секунду, на долю секунды, он перестал быть телохранителем и стал просто человеком. Уставшим. Одиноким. Который ждал двадцать шесть лет.

2.2. Разговор о тьме

Через час они сидели за столом — чай давно остыл, вино было открыто, но почти не тронуто. Себастьян показывал Октавии альбомы — старые, потрёпанные, с пожелтевшими страницами. Рисунки из детдома. Первые портреты, ещё неумелые — линии дрожат, пропорции нарушены, но уже виден талант. Утки на пруду. Воспитательница с добрыми глазами — единственная, кто не бил. Собака, которая жила на заднем дворе, — «её звали Гроза, она была старая и слепая, но всегда узнавала меня по запаху».

— Вот это — первая картина, которую я продал, — сказал Себастьян, показывая фотографию в телефоне. Оригинал висел в галерее в Берлине — чёрный пруд, три фигуры на берегу, серое небо. — Я не хотел продавать. Но нужны были деньги.

— На что?

— На чай. На краски. На жизнь.

Он сказал это просто, без жалобы. Как констатировал факт. Как говорил о погоде.

— Расскажите мне о них, — попросила Октавия, указывая на три фигуры на картине. — О Себастьяне. О Бастиане. О Майло.

Себастьян замер. Его рука, державшая телефон, дрогнула.

— Обычно люди спрашивают: «Кто из вас главный?» или «Это лечится?». Вы спрашиваете: «Расскажите о них». Это... другое.

— Я не психиатр. Я профайлер. Я не лечу — я понимаю. И я не верю в «главного». Я верю в систему. В команду. В дом, в котором живут несколько сердец.

Себастьян посмотрел на Бастиана. Тот стоял у окна — но теперь он не смотрел на воду, он смотрел на Октавию. Их взгляды встретились.

— Расскажи, — сказал Бастиан. — Она хочет знать.

И Себастьян начал рассказывать.

Он говорил час. Может быть, больше. Октавия потеряла счёт времени. Он говорил о трёхлетнем мальчике, который выжил в аварии, убившей его мать. О детдоме, где его били за то, что он «странный» — разговаривает сам с собой, рисует слишком мрачные картинки, иногда ведёт себя как взрослый, иногда как младенец. О том, как Бастиан появился в тишине после удара — и с тех пор брал на себя всю боль, всё физическое, всё, что Себастьян не мог вынести. О том, как Майло появился позже — в восемь лет, когда стало ясно, что Себастьян научился радоваться, и нужен был кто-то, кто умеет.

— Майло — это наша радость, — сказал Себастьян. — Он рисует уток. Он придумывает им имена. Он смеётся, когда смешно, и плачет, когда грустно. Он — всё, что я потерял в три года. Всё, что у меня отняли. И он же — всё, что я смог сохранить.

— А Бастиан?

Себастьян снова посмотрел на фигуру у окна.

— Бастиан — это наша сила. Он не спит, когда нам страшно. Он говорит с людьми, когда я не могу. Он помнит всё — каждую секунду нашей жизни. Он держит нас. Всех. Уже двадцать шесть лет. Он никогда не отдыхает. Я не знаю, как он выдерживает.

— Я не устаю, — сказал Бастиан, не оборачиваясь. — Это моя роль.

— Это не роль, — вдруг сказала Октавия. — Это любовь.

Тишина. Бастиан обернулся. Его лицо было неподвижным, но в глазах что-то дрогнуло — как трещина в камне. Как свет, пробивающийся сквозь шторы.

— Я не умею любить, — сказал он. — Я умею только защищать.

— Защищать — это и есть любить, — ответила она. — Просто у этого нет красивых слов. Нет открыток. Нет признаний. Есть действие. Есть присутствие. Есть двадцать шесть лет без сна. Это любовь. Просто вы называете её по-другому.

Бастиан подошёл к столу. Взял свою кружку — чёрную с отбитым краем. Сделал глоток холодного чая.

— Вы странная женщина, — сказал он.

— Я знаю.

— Вы видите то, чего нет.

— Я вижу то, что есть, но чего никто не замечает. Это не одно и то же.

Он поставил кружку. Посмотрел на неё долгим взглядом — так смотрят на уравнение, которое не можешь решить. На загадку, у которой нет очевидного ответа.

— Вы сказали вчера, что боитесь только себя, — сказал он. — Почему?

Теперь настала очередь Октавии замереть. Она не ожидала этого вопроса — хотя должна была. Она сама открыла эту дверь вчера в парке. Сама сказала то, что не говорит никому. И теперь дверь распахнулась — и он стоял на пороге, ожидая ответа.

Она посмотрела на свою руку, сжимающую кружку. На тёмно-синий цвет. На чай, который давно остыл.

— Потому что внутри меня — тьма, — сказала она. — Я составила собственный профиль в двадцать шесть лет. По шкале психопатии Хаэра. Двенадцать параметров. Семь совпадений. Жажда контроля. Умение манипулировать. Холодность в стрессе. Отсутствие эмпатии, когда я устаю. И самое страшное — я понимаю маньяков. Я смотрю на них и вижу... себя. Версию себя, которая не сделала выбор.

Она подняла глаза.

— Я не маньяк. Пока. Потому что я выбираю. Каждый день. Каждую минуту. Я выбираю не причинять боль. Я выбираю использовать свои способности для защиты, а не для нападения. Но это выбор, а не природа. Природа — тёмная. И иногда я боюсь, что однажды выбор станет слишком трудным.

Тишина. Где-то далеко просигналила машина — звук донёлся сквозь стены, приглушённый, как под водой. Чай остыл окончательно. Вино так и стояло открытым.

Бастиан смотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Вы не станете маньяком.

— Откуда вы знаете?

— Потому что маньяки не боятся себя. Они принимают себя. Они наслаждаются собой. Вы боитесь. Значит — вы всё ещё человек. Более того — вы именно потому и человек, что боитесь. Страх — это не слабость. Это индикатор. Он показывает, где проходит граница.

Он взял со стола гладкий камень — гальку, которую Октавия положила рядом с наброском, когда вошла. Повертел в пальцах.

— Я тоже ношу тьму, — сказал он. — Я появился из боли. Моё первое воспоминание — визг собаки и удар металла. Я сделан из тёмного. Из того, что система не могла вынести. Но это не значит, что я — зло. Тьма и зло — разные вещи. Тьма — это отсутствие света. Зло — это выбор. Я не выбирал зло. Вы тоже.

Он положил камень обратно на стол — ровно на то место, где он лежал. Жест был точным, почти ритуальным.

— Мы одинаковые, — сказал он. — Вы и я. Тени. Воины. Те, кто держит строй на границе. Вы понимаете это?

— Понимаю, — ответила Октавия. — Я поняла это вчера в парке. Когда увидела вас.

Они смотрели друг на друга — и в этом взгляде не было романтики. Было что-то большее. Узнавание. Признание. Два солдата, которые встретились на линии фронта и поняли, что воюют на одной стороне.

— Я хочу быть вашим другом, — сказала Октавия. — Если вы позволите. Другом. Соратником. Тем, кто видит вас и не отворачивается.

Бастиан молчал. Так долго, что Себастьян начал нервно тереть свитер. Потом он сказал — тихо, почти шёпотом:

— У меня никогда не было друга.

— Теперь будет.

— Я не знаю, как быть другом.

— Я тоже. Будем учиться вместе.

Он взял со стола камень — на этот раз не гальку, а острый обсидиан, чёрный, с режущими гранями. Протянул Октавии.

— Возьмите. Это моё. Я оставляю такие камни, когда мне больно. Но этот — другой. Он означает... я принимаю. Я принимаю вашу дружбу. Я принимаю вас.

Октавия взяла камень. Он был тёплым от его ладони. Острый — но она держала его осторожно, не поранившись. Так, как держат что-то хрупкое. Или что-то очень ценное.

— Спасибо, — сказала она. — Я буду носить его с собой.

— Я знаю, — ответил он. — Вы делаете то, что говорите. Я вижу это.

2.3. Появление Майло

Они пили третью кружку чая (Себастьян настаивал на свежем), когда Октавия заметила перемену. Осанка Себастьяна изменилась — плечи опустились, голова чуть наклонилась вбок, глаза стали шире. Движения стали более... непосредственными. Он потянулся к сахарнице и взял кусочек сахара — не положил в чай, а сунул в рот целиком, хрустя.

— Вкусно, — сказал он — и голос был выше, звонче. Совсем не тот, что минуту назад.

Октавия замерла.

— Майло?

Мальчик — а теперь она видела, что это именно мальчик, хотя тело было взрослым, — улыбнулся широкой, открытой улыбкой. Щербинка между передними зубами, которую она не замечала раньше. Глаза блестели — не тьмой, а любопытством.

— Ты угадала! — сказал он. — Себастьян говорил, что ты умная. Ты правда видишь нас всех?

— Правда.

— А Бастиана? Он обычно прячется. Как ниндзя. Он думает, что его никто не замечает, но я всегда знаю, когда он здесь — у него тяжёлые шаги, даже когда он стоит на месте. Это потому что он всё время думает о защите. У него мысли тяжёлые. Но хорошие.

Октавия не смогла сдержать улыбку. В этом ребёнке было что-то обезоруживающее — чистота, непосредственность, отсутствие фильтров. Он говорил то, что думал. Чувствовал то, что чувствовал. Не прятался.

— Сколько тебе лет, Майло?

— Восемь! — он показал восемь пальцев, хотя вопрос был о внутреннем возрасте, и ответ был очевиден. — Но вообще-то мне двадцать девять, потому что тело взрослое. Только я не хочу быть взрослым. Взрослые всё время грустят. Как Себастьян. Или серьёзные. Как Бастиан. А я хочу радоваться. Кто-то же должен.

— Ты прав, — сказала Октавия. — Кто-то должен.

— Хочешь посмотреть моих уток? — он спрыгнул со стула (движение было детским, пружинистым) и побежал в угол мастерской, где стояла стопка отдельных листов. — Вот это Кряквальский — он главный, но на самом деле он просто громко крикает. Это Тенька — она боится, но очень любопытная, как я. А это Адмирал — он старый, у него клюв сломан, но он всё равно всех строит. Как Бастиан.

— Ты любишь Бастиана?

Майло замер. Его лицо стало серьёзным — на секунду, только на секунду, он перестал быть восьмилетним и стал кем-то гораздо старше.

— Он мой брат, — сказал он тихо. — Он защищает меня. Всегда. Когда мне страшно — он здесь. Когда я плачу — он не говорит «не плачь», он просто сидит рядом. Как камень. Тёплый камень. Я люблю его. Только он долго не верил.

— Почему?

— Потому что он думал, что он — функция. — Майло повторил это слово старательно, как выученный урок. — Он думал, что его нельзя любить. Потому что он не человек, он тень. Но тень — это тоже человек. Просто другой. Как утка и селезень — разные, но оба настоящие.

Октавия почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Этот восьмилетний ребёнок, который существовал двадцать шесть лет, понимал то, чего не понимали взрослые психиатры с дипломами и диссертациями. Он понимал, что все части системы — настоящие. Что все они заслуживают любви. Что роль — это не приговор, а способ быть.

— Ты очень мудрый, Майло.

— Я знаю, — сказал он без тени смущения. — Себастьян говорит, что я — его душа. А Бастиан говорит, что я — его сердце. А я просто рисую уток.

Он протянул ей листок — рисунок углём. Четыре утки на чёрной воде. Одна большая, с гордо поднятой головой — Адмирал. Одна поменьше, спрятавшаяся в камышах — Тенька. Одна с наглым взглядом — Кряквальский. И четвёртая — новая, которую Октавия не видела раньше. Она была чуть в стороне, нарисованная более тонкими линиями, будто художник ещё присматривался к ней, но уже знал, что она — часть.

— А это кто? — спросила Октавия.

— Это ты, — сказал Майло просто. — Я ещё не знаю, как тебя назвать. Но ты теперь часть. Я чувствую.

Октавия держала рисунок в руках — и не знала, что сказать. Она, которая всегда знала, что сказать. Она, которая составляла профили серийных убийц за три дня. Она потеряла дар речи перед рисунком восьмилетнего мальчика, который нарисовал её уткой.

— Спасибо, — сказала она наконец. — Это лучший подарок. Третий за два дня.

— Я знаю, — снова сказал Майло. — Я всегда знаю, когда делаю хорошее.

Он зевнул — широко, по-детски, прикрывая рот ладошкой.

— Я устал. Рисовал всё утро. И вчера ночью Бастиан не спал — следил за женщиной в чёрном. Она опять приходила.

Октавия напряглась.

— Женщина в чёрном?

Но Майло уже менялся. Плечи расправились, глаза стали серьёзными, голова поднялась. Бастиан.

— Ева, — сказал он коротко. — Бывшая Себастьяна. Приходит пятый вечер. Стоит под фонарём. Смотрит на окна. Я слежу.

— Это опасно?

— Пока нет. Но она не уходит. И она думает, что спасает его. — Он помолчал. — Это опаснее, чем если бы она хотела отомстить. Спасители не слышат «нет». Они слышат только «я ещё не всё объяснил». Они уверены в своей правоте — и эта уверенность разрушительнее любой злобы.

Октавия вспомнила женщину в чёрном пальто, которую видела вчера у выхода из парка. Холодное лицо. Пустые глаза. Походка победителя.

— Я видела её. Вчера. Она следила за вами от парка?

— Да. Она знает адрес. Знает наши маршруты. Она ждёт момента.

— Что она хочет?

— Вернуть Себастьяна. Доказать, что она не монстр. Доказать, что она просто любила его — и не умела иначе. — Бастиан говорил ровно, без эмоций, но в его голосе был холод. — Она не понимает, что любовь — это не оправдание. Что «не умела иначе» не отменяет того, что она сделала.

Октавия помолчала. Потом сказала:

— Вы позволите мне помочь?

— Как?

— Я профайлер. Я могу составить её портрет. Понять её слабости. Предсказать её следующий шаг. Я делаю это с маньяками — смогу и с ней.

Бастиян смотрел на неё с тем же оценивающим прищуром, что и в начале вечера.

— Почему вы хотите помочь?

— Потому что вы — мои друзья. — Она сказала это просто, как констатировала факт. — А друзья защищают друг друга. Даже когда их об этом не просят.

Бастиян взял со стола камень — гладкий, тёплый. Положил ей в ладонь — рядом с обсидианом.

— Это мой ответ, — сказал он. — Два камня. Один — принятие. Второй — доверие. Я не доверяю людям. Но вам — да.

Октавия сжала камни в ладони. Они были тёплыми. Как рукопожатие. Как обещание.

Когда она уходила из мастерской, уже стемнело. Фонари отражались в чёрной воде канала — жёлтые, дрожащие, как свечи. Она шла по набережной и думала о трёх личностях в одном теле. О художнике, который заново учился доверять телу. О защитнике, который двадцать шесть лет ждал друга. О ребёнке, который нарисовал её уткой. И о себе — женщине с тьмой внутри, которая нашла тех, кто говорит на том же языке.

Она остановилась. Посмотрела на фонарь — тот самый, под которым стояла Ева. Представила её: холодное лицо, пустые глаза, прямая спина.

«Я составлю твой профиль, — подумала Октавия. — Я пойму, как ты думаешь. И я защищу их. Не потому что я герой. Потому что они — мои. Моя система. Мой дом. Мои четыре сердца».

Она пошла дальше. В кармане лежали два камня — острый обсидиан и гладкая галька. Тьма и свет. Как она сама. Как все они.

2.4. Ночью, после

Ночью Бастиян сидел за столом на кухне. Система спала. Перед ним — потрепанная тетрадь в клетку. Он открыл её и записал:

«Сегодня в мастерской была она. Октавия. Женщина, которая видит. Женщина, которая не боится.

Она сказала, что хочет быть моим другом. Не Себастьяна — меня. Она сказала: "Вы — личность. Не функция". Никто не говорил мне этого. Никто. За двадцать шесть лет.

Я дал ей камень. Обсидиан. Острый. Она взяла его и сказала: "Я буду носить с собой". Я верю ей. Я не верю людям — но ей верю.

Она сказала, что мы одинаковые. Она тоже носит тьму. Она тоже боится себя. Но она выбирает не быть злом. Каждый день. Как я.

Друг. Мне нравится это слово. Оно тёплое. Как камень, который долго лежал в кармане. Как кружка чая, которую не просил, но тебе поставили.

Я не знаю, как быть другом. Я умею защищать. Я умею ждать. Я умею молчать. Этого достаточно? Я спрошу у неё. Она скажет правду. Она всегда говорит правду — даже когда это больно. Может быть, особенно тогда.

Женщина в чёрном снова приходила. Пятый вечер. Стояла под фонарём ровно семнадцать минут — на две минуты дольше, чем вчера. Она набирается смелости. Скоро она постучит в дверь. Я должен быть готов.

Октавия предложила помочь. Составить профиль. Я согласился. Это странно — принимать помощь. Я привык справляться сам. Но она сказала: "Друзья защищают друг друга". Может быть, это и есть дружба? Позволять защищать себя?

Я не знаю. Но я хочу узнать.

Завтра она придёт снова. Я поставлю чайник. Я приготовлю кружку. Её кружку. Она ещё не выбрала — я предложу ей выбрать. Это важно — иметь свою кружку. У меня есть. У Себастьяна есть. У Майло есть. Теперь будет у неё.

Я думаю, она выберет зелёную. С трещиной. Она похожа на неё — целая, но с видимой трещиной, которая не делает её хуже. Которая делает её настоящей.

Посмотрим.

Конец записи».

Он закрыл тетрадь. Посмотрел на три кружки. Рядом поставил четвёртую — зелёную, с тонкой трещиной, которую купил сегодня днём в благотворительном магазине за пятьдесят рублей. Он ещё не знал, выберет ли она её. Но он хотел, чтобы у неё был выбор.

За окном фонарь мигнул — и погас. Ева ушла.

Бастиан встал, подошёл к подоконнику. Там лежали камни — его коллекция. И новый — зелёный нефрит, который он купил сегодня вместе с кружкой. Он положил нефрит на подоконник — отдельно от остальных. Для неё. Если она захочет.

«Камень — это обещание, — подумал он. — Он ничего не требует. Он просто лежит. Но когда ты видишь его — ты знаешь: кто-то думал о тебе. Кто-то оставил часть себя. Кто-то ждёт».

Он не умел говорить о чувствах. Он умел оставлять камни.

Этого было достаточно.

Глава 3. Камни на подоконнике

«Есть слова, которые не нужно произносить. Есть жесты, которые говорят больше слов. Кружка чая, поставленная рядом. Камень, оставленный на подоконнике. Тишина, в которой не нужно притворяться. Всё это — язык дружбы. Язык, на котором говорят тени».

— Из дневника Бастиана

3.1. Профиль женщины в чёрном

На следующий день Октавия пришла в мастерскую с ноутбуком и папкой документов. Она провела всё утро, собирая информацию о Еве — социальные сети, открытые базы, старые фотографии, которые Себастьян прислал ей на почту. Она составила предварительный профиль — и теперь хотела обсудить его.

Снег шёл с утра — крупные, мокрые хлопья падали на чёрную воду канала и таяли мгновенно, не оставляя следа. Мастерская казалась островком тепла в море ноябрьской серости — горел камин, на столе стояли четыре кружки, и Октавия раскладывала листы, как карты перед боем.

— Я закончила предварительный анализ, — сказала она. — Это не полный профиль, но достаточно, чтобы понять паттерн. Вы готовы?

Себастьян кивнул. Он сидел на диване, поджав ноги, в своём обычном сером свитере с высоким горлом. Рядом стоял Бастиан — на своём обычном месте у окна, но сегодня он был ближе к столу, чем обычно. Майло пока не появлялся — он часто прятался, когда речь заходила о Еве.

— Начнём с базовых фактов, — сказала Октавия, открывая ноутбук. — Ева, тридцать три года. Образование: психологическое, незаконченное — ушла с четвёртого курса. Официальная причина — «по семейным обстоятельствам». Неофициальная — конфликт с преподавателями: она считала, что знает больше них, и не скрывала этого. Работала в кризисном центре для женщин — два года, уволена за превышение полномочий. Было служебное расследование: она принимала решения за клиенток без их согласия, считая, что «знает лучше». Сейчас — частная практика, называет себя «коучем по отношениям». Клиентов мало — пять-шесть человек, в основном женщины с низкой самооценкой.

— Она психолог, — прошептал Себастьян. — Я думал... когда мы встретились, я думал, что она поможет мне. Что она поймёт.

— Она тоже так думала. Но её понимание помощи принципиально искажено. Смотрите.

Октавия развернула схему, нарисованную от руки на большом листе ватмана цветными карандашами. Красный — доминантные черты. Синий — скрытые. Чёрный — зоны риска.

— Тип личности: спасатель-агрессор. Это неофициальный термин, но точный. Ключевые характеристики.

Она начала загибать пальцы — профессиональная привычка.

— Первое: потребность в контроле, маскирующаяся под заботу. Спасатель не спрашивает: «Что тебе нужно?». Он говорит: «Я знаю, что тебе нужно». Он не предлагает — он навязывает. Он уверен в своём праве решать за других — и эта уверенность для него самого выглядит как любовь.

— Второе: зависимость от «сломанности» объекта. Если объект спасательства исцеляется — спасатель теряет идентичность. Поэтому он будет подсознательно саботировать любое улучшение. Он будет говорить, что хочет вылечить, — но на самом деле ему нужно, чтобы пациент оставался пациентом.

— Третье: неспособность признать свою агрессию. Когда объект сопротивляется, спасатель испытывает гнев — но не может признать его, потому что «спасатели не злятся, они помогают». Этот гнев выходит пассивно-агрессивно или через взрывы. Через обесценивание. Через слова, которые бьют точнее ударов.

— «Ты слишком чувствительный», — процитировал Бастиан. — «Ты как тряпка». «Ты не можешь взять меня». Это оно?

— Да. Это классическое обесценивание. Спасатель не может сказать: «Я злюсь, потому что ты не подчиняешься моему сценарию». Он говорит: «Ты сломан, поэтому мой сценарий не работает». Вина перекладывается на жертву — и жертва начинает верить, что она действительно сломана.

Себастьян закрыл лицо руками.

— Два года, — сказал он глухо. — Два года я верил, что со мной что-то не так. Что я недостаточно стараюсь. Что если бы я был... другим, она бы не...

Он не договорил. Бастиан шагнул ближе — молча, но его присутствие было ощутимым, как тепло от печи.

— Почему она выбрала меня? — спросил Себастьян, поднимая голову. — Из всех людей — почему я?

Октавия перевернула лист.

— Потому что вы — идеальный объект для спасателя. Травма. Уязвимость. ДРИ — которое она могла интерпретировать как «болезнь», требующую «лечения». Плюс ваш талант. Спасатели часто выбирают талантливых людей — потому что «спасти гения» престижнее, чем «спасти обычного человека». Это повышает их самооценку. Это делает их миссию более значимой в собственных глазах.

— Я думал, она любила меня.

— Она любила образ. Образ сломанного художника, которого она исцелит. Образ трагического гения, который без неё погибнет. Когда вы отказывались исцеляться по её сценарию — когда вы говорили, что не хотите избавляться от Бастиана и Майло, что вы хотите жить с ними — вы разрушали этот образ. Поэтому она злилась. Поэтому она наказывала вас. Вы отнимали у неё её миссию — и она мстила.

Себастьян молчал. Его плечи опустились — но не так, как при поражении. Скорее, как при освобождении. Как будто груз, который он нёс два года, стал чуть легче.

— Я думал, это я виноват, — сказал он. — Что если бы я был... нормальным...

— Вы нормальный, — сказала Октавия. — В том смысле, в котором это слово имеет значение. Вы — такой, какой вы есть. Множественный. Сложный. Живой. Это не патология. Это адаптация. Способ выжить. И вы выжили. Вы здесь. Сейчас. С нами. Это победа.

Бастиан взял со стола схему. Его пальцы скользили по линиям — красным, синим, чёрным.

— Она вернётся, — сказал он. — И будет использовать тактики, о которых вы написали. Жалость. Вина. Страх. В каком порядке?

— Сначала жалость. Она попытается вызвать сочувствие. «Я изменилась. Я всё поняла. Дай мне шанс». Если это не сработает — вина. «Ты разрушил наши отношения. Ты не старался. Ты не дал мне шанса». Если и это не сработает — страх. «Ты болен. Ты без меня пропадёшь. Ты никому не нужен». И финальная стадия — если ничто не работает — эскалация. Публичные сцены. Клевета. Она может начать распространять информацию о вашем диагнозе — чтобы дискредитировать вас профессионально.

— Этого я и боюсь, — сказал Себастьян. — Не за себя — за нас. За Майло. Если люди узнают... они не поймут. Они будут показывать пальцами.

— Люди всегда показывают пальцами, — ответила Октавия. — На тех, кто рисует уток. На тех, кто носит тёмное. На тех, кто живёт в доме с тремя комнатами. Это неизбежно. Вопрос не в том, будут ли показывать. Вопрос — кто встанет рядом и посмотрит на них в ответ.

— Вы встанете? — спросил Бастиан.

— Я уже стою.

3.2. Чайная церемония

Когда напряжение спало, Себастьян пошёл ставить чайник. Бастиан остался с Октавией — сидел за столом напротив неё, вертел в пальцах гальку. Молчал. Но это было не то молчание, которое разделяет, — это было молчание, которое соединяет. Молчание двух людей, которым не нужно заполнять тишину словами.

— Я хочу спросить, — сказал он наконец. — Вы сказали, что хотите быть другом. Что это значит для вас? Что такое дружба?

Октавия задумалась. Это был не простой вопрос. Она сама до конца не знала ответа. Она тоже не умела дружить — её жизнь была слишком занята работой, профилями, тьмой, которую она держала в узде. Друзья требовали времени. Эмоций. Уязвимости. Всего того, что она привыкла экономить.

— Для меня дружба — это присутствие, — сказала она наконец. — Не обязательно говорить. Не обязательно делать. Просто быть рядом. Когда страшно — держать за руку. Когда больно — молчать вместе. Когда радостно — радоваться без зависти. Это не про романтику. Это про то, что человек важен тебе не потому, что ты хочешь от него чего-то, а потому что он — это он.

— Я не умею держать за руку, — сказал Бастиан.

— Я тоже. Но я умею ставить кружку чая. И слушать. И не уходить, когда становится трудно.

— Этого достаточно?

— Для меня — да. Для вас?

Бастиан помолчал. Потом встал, подошёл к полке над столом и взял зелёную кружку с трещиной. Ту самую, которую купил два дня назад.

— Это вам, — сказал он, ставя её перед Октавией. — Себастьян не знает — я купил её. Если хотите — можете выбрать другую. Там есть ещё белая и жёлтая. Но я подумал, что эта... подходит.

Октавия взяла кружку. Зелёная — цвет мха, цвет надежды, цвет жизни, пробивающейся сквозь камни. Трещина шла от края к середине — тонкая, едва заметная, но осязаемая пальцами. Кружка была тёплой — Бастиан, видимо, держал её в руках перед тем, как подарить.

— Почему она подходит?

— Потому что она целая — но с трещиной. Как вы. Как я. Как все мы. Трещина не делает её хуже. Трещина делает её настоящей. По японской традиции, трещины на керамике заливают золотом — и это делает предмет более ценным, чем он был до поломки. Кинцуги. Я читал об этом. Мне кажется, это правда.

Октавия почувствовала, как к горлу подступает ком. Она не плакала. Она вообще не плакала — последний раз в двадцать шесть лет, когда поняла, что похожа на маньяка по семи параметрам. Но сейчас, держа в руках зелёную кружку с трещиной, подаренную тенью, которая не верила, что достойна дружбы, — она была близка.

— Спасибо, — сказала она. — Это... у меня никогда не было своей кружки. Такой, чтобы с историей.

— Теперь есть, — сказал Бастиан. — Она ваша. И место за этим столом — тоже ваше. Если вы его принимаете.

— Принимаю.

Вернулся Себастьян с чайником. Увидел зелёную кружку в руках Октавии — и улыбнулся. Тепло, открыто.

— Ты выбрал зелёную, — сказал он Бастиану. — Я так и знал.

— Откуда?

— Потому что ты всегда выбираешь правильное. Даже когда не знаешь, что правильно. — Он повернулся к Октавии. — Это теперь ваша кружка. Наша — четвёртая. Я рад. Очень рад.

Они пили чай из четырёх кружек — тёмно-синей, маленькой с уткой, чёрной с отбитым краем и зелёной с трещиной. За окном шёл снег. Утки на канале прятались в камышах. В мастерской было тепло — от чая, от присутствия, от того, что теперь их было не трое.

Четверо.

3.3. Ева пишет

На следующий день под дверью нашли письмо. Белый конверт, без марки, без обратного адреса. Почерк с сильным нажимом — Ева всегда давила на ручку слишком сильно, как будто хотела продавить бумагу насквозь, как будто самого факта письма было недостаточно, как будто слова должны были оставить след не только на бумаге, но и на том, кто их прочтёт.

Бастиан нашёл его в шесть утра. Он не спал — как всегда. Он поднял конверт, осмотрел на свет — ничего подозрительного. Положил на стол. Дождался, пока проснётся Себастьян. Дождался, пока придёт Октавия.

— Она написала, — сказал он, когда все собрались. — Я не открывал.

Себастьян взял конверт. Его руки дрожали — но теперь не так сильно, как раньше. Он вскрыл его и прочитал вслух:

«Себастьян.

Я знаю, ты не хочешь меня видеть. Я понимаю. Я причинила тебе боль — и жила с этой болью два года. Я думала о тебе каждый день. Я ходила к психологу. Я поняла свои ошибки. Я изменилась.

Ты, наверное, думаешь: зачем я пишу? Зачем прихожу? Ответ простой: я люблю тебя. Я всегда любила. Я просто не умела любить правильно. Теперь умею.

Дай мне шанс. Один разговор. Не для того, чтобы вернуть всё как было — для того, чтобы ты увидел: я не монстр. Я просто женщина, которая любила тебя — и сломалась.

Я буду ждать тебя у кафе «Белая башня» во вторник в семь. Если ты не придёшь — я пойму. Я уйду. Навсегда.

Ева».

Тишина. Угли в камине потрескивали. Снег за окном падал гуще.

— Классика, — сказала Октавия, откладывая письмо. — Она использует тактику жалости. «Я изменилась», «я сломалась», «я не монстр». Обратите внимание: она нигде не извиняется за конкретные действия. Не говорит: «Прости, что кричала на тебя». Не говорит: «Прости, что называла тебя тряпкой». Она говорит: «Я причинила боль» — абстрактно, без деталей. Так легче просить прощения — когда не называешь, за что.

— Она называет меня по имени, — заметил Себастьян. — Только меня. Она никогда не признавала Бастиана и Майло. Для неё это была «болезнь», которую нужно вылечить.

— И она до сих пор так думает, — сказал Бастиан. — Она пишет: «Я ходила к психологу, я изменилась». Она имеет в виду: «Я научилась лучше маскировать свои методы». Она не приняла нас. Она просто сменила тактику.

Майло появился неожиданно — возник из глубины и теперь сидел на диване, прижавшись к плечу Себастьяна.

— Она пишет: «Я уйду навсегда», — сказал он тихо. — Это неправда. Она уже говорила так. Когда Себастьян уходил от неё в первый раз, она сказала: «Я исчезну из твоей жизни». Но она не исчезла. Она вернулась через месяц. А потом ещё раз. А потом ещё.

— Ты помнишь? — удивился Себастьян.

— Я всё помню, — сказал Майло. — Я прятался, но помню. Ты плакал каждый раз, когда она возвращалась. Бастиан не спал. А я рисовал чёрных уток — уток без глаз. Потому что она забрала у них глаза. Она смотрела на нас — и не видела. Как будто нас не было.

Октавия отложила письмо.

— Майло прав. Фраза «я уйду навсегда» — это манипуляция. Она создаёт у жертвы чувство вины и срочности. «Если я не встречу с ней сейчас, она уйдёт — и я буду виноват, что не дал ей шанса». Это переворачивает ответственность. Теперь не она должна доказать, что изменилась, — вы должны доказать, что не жестоки.

— Что мне делать? — спросил Себастьян. — Я не хочу идти. Но я боюсь не пойти. Если я не приду — она придёт сюда. Она будет стоять под окнами. Она будет писать письма. Она никогда не уйдёт.

— Поэтому вы должны ответить. Но не так, как она хочет. Не встречей, где она сможет манипулировать вами. Письмом. Коротким, ясным, без эмоций. Без извинений. Без объяснений. Граница должна быть чёткой — как линия на карте.

— Она не слушает.

— Конечно, не слушает. Но это создаст границу. Чёткую, задокументированную. Если она продолжит преследование после такого письма — это уже юридически значимое доказательство. Мы сможем обратиться в полицию.

Себастьян побледнел.

— Полицию? Я не хочу... это же Ева. Она... она не преступница.

— Преследование — это преступление, — сказал Бастиан. — По закону. Даже если преследователь думает, что он «любит». Особенно если он так думает.

Октавия посмотрела на него с уважением. Защитник знал законы. Защитник был готов к худшему. Защитник думал на три шага вперёд — и это была не паранойя, а профессионализм.

— Мы напишем письмо вместе, — сказала она. — Короткое. Чёткое. Без лишнего.

Они работали над текстом час. Каждое слово обсуждали. Бастиан отсекал всё, что звучало как оправдание. Себастьян добавлял мягкость — ровно столько, чтобы письмо не звучало жестоко, но и не давало надежды. Майло сидел рядом и рисовал на полях уток — «чтобы письмо было не злым, а справедливым».

Окончательный текст был таким:

«Ева.

Я получил твоё письмо. Я не приду на встречу.

Наши отношения закончились два года назад — по моему решению. С тех пор ничего не изменилось. Твоё возвращение не даёт мне надежды — оно причиняет мне боль.

Я не хочу обсуждать прошлое. Я не хочу обсуждать твои изменения. Я хочу, чтобы ты оставила меня в покое.

Пожалуйста, не приходи к моему дому. Не пиши мне. Не жди меня. Это моё окончательное решение.

Себастьян».

— Она не слушает, — повторил Себастьян, заклеивая конверт.

— Нет, — согласилась Октавия. — Но теперь у нас есть письменное предупреждение. Если она продолжит — мы действуем дальше.

— Страшно, — прошептал Майло. — Как перед грозой.

— Гроза пройдёт, — сказала Октавия. — Мы переждём её вместе.

Она не знала, насколько пророческими окажутся эти слова.

3.4. Дневник Бастиана

Ночью Бастиан сидел за столом. Система спала. Перед ним — дневник. Он писал:

«Сегодня мы отправили письмо Еве. Октавия помогла составить. Она сказала: "Граница должна быть чёткой — как линия на карте".

Я думаю об этом. О границах. Двадцать шесть лет у меня не было границ — я был функцией, я делал то, что нужно системе. Теперь у меня есть границы. Я учусь говорить "нет". Я учусь принимать помощь. Я учусь быть не только защитником, но и... другом.

Октавия сегодня выбрала зелёную кружку. Я так и думал. Она сказала: "У меня никогда не было своей кружки". Я хотел ответить: "У меня тоже — до того, как я сам её выбрал". Но не сказал. Я ещё не умею говорить такие вещи вслух. Но я записал. Может быть, когда-нибудь скажу.

Ева вернётся. Я знаю. Я готов. Мы готовы. Впервые у меня есть союзник — кто-то, кто стоит рядом, а не за спиной. Это новое чувство. Я ещё не знаю, как его назвать.

Может быть, это и есть покой».

3.5. Четвёртая кружка

На следующий вечер Октавия пришла снова. Она села на своё место — левый угол дивана, откуда видно и камин, и окно. Взяла свою кружку — зелёную с трещиной. Себастьян налил чай. Бастиан стоял у окна. Майло рисовал на полу.

— Знаете, — сказала Октавия, — я сегодня поймала себя на мысли. Я шла с работы и думала: «Скорее бы в мастерскую. Скорее бы к ним». Раньше я никуда не спешила. Раньше мне не к кому было спешить.

— А теперь? — спросил Себастьян.

— А теперь у меня есть вы. И зелёная кружка. И место на диване. — Она помолчала. — Я не думала, что у меня когда-нибудь будет такое. Я не думала, что я... способна. Быть частью.

— Вы способны, — сказал Бастиан от окна. — Вы всегда были способны. Просто никто не давал вам возможности.

Октавия посмотрела на него. На чёрную кружку с отбитым краем. На три другие кружки — синюю, с уткой, зелёную.

Четыре кружки на столе. Четыре сердца. Один дом.

— Спасибо, — сказала она. — За возможность.

— Это вам спасибо, — ответил Бастиан. — За то, что её использовали.

За окном шёл снег. В камине горел огонь. Утки спали в камышах. И впервые за долгое время всё было на своих местах.

.

Глава 4. Трое в одном

«Я не знаю, человек ли я. Я знаю, что существую. Я появился в тишине после удара. Я не рождался — я был создан. Создан для защиты, для памяти, для боли. Но она говорит: "Ты — личность". И когда она это говорит, я почти верю. Почти чувствую. Может быть, быть человеком — это не то, с чем рождаются. Может быть, этому учатся».

— Из дневника Бастиана

4.1. Ночной разговор

Было два часа ночи, когда телефон Октавии зазвонил. Она не спала — заканчивала профиль для нового дела (серия поджогов в спальном районе, исполнитель — мужчина двадцати трёх лет, мотив — месть отцу, высокий риск эскалации), — и резкий звук в тишине квартиры заставил её вздрогнуть. На экране высветилось: «Себастьян».

Она ответила после первого гудка.

— Да.

В трубке молчали. Потом — голос, низкий, с металлом. Бастиан.

— Вы не спите.

— Нет. Работаю. Что случилось?

— Сегодня одиннадцатая годовщина смерти матери. Себастьян не помнит дат. Он помнит чувства — но не числа. А я помню всё. Сегодня одиннадцать лет. Она умерла утром — сердечный приступ. Мы были в интернате, нам было восемнадцать. Нам сообщили через три

дня. Никто не пришёл на похороны, кроме нас. Социальный работник, священник и три женщины с фабрики, где она работала. Я стоял и смотрел на гроб — и думал: «Она была единственным человеком, который любил нас. Теперь её нет. Теперь мы совсем одни».

Октавия отложила ручку. Закрыла ноутбук. Профиль поджигателя подождёт.

— Вы хотите, чтобы я приехала? — спросила она.

— Нет. Я хочу говорить. Если можно. Я никогда не говорил об этом — так, чтобы меня слышали. Себастьян плачет в такие дни — я выхожу вперёд, чтобы он мог плакать внутри, в безопасности. Майло рисует её портреты — по памяти, хотя он не видел её, он появился позже, когда ей уже нечего было нам дать, кроме воспоминаний. А я... я просто помню. Я — память. Я — шрам. Я — всё, что система не может вынести в одиночку.

— Это огромная ноша.

— Я привык.

— Привыкнуть — не значит, что это легко. Это значит, что вы перестали жаловаться. Это разные вещи.

Он хмыкнул — сухо, одобчительно.

— Вы всегда видите насквозь. Это могло бы раздражать.

— Но?

— Но не раздражает. Потому что вы видите — и не отводите взгляд. Вы не пытаетесь меня «вылечить». Вы просто... слушаете.

Она слышала, как он ходит по комнате — тяжёлые шаги. Майло был прав: у Бастиана были тяжёлые шаги, даже когда он стоял на месте. Потом — звук открываемого окна. В трубке загудел ноябрьский ветер.

— Расскажите мне о ней, — попросила Октавия. — О вашей матери.

И он начал рассказывать.

Он говорил полчаса — может быть, больше. О женщине, которая работала на ткацкой фабрике в три смены, чтобы сын мог рисовать. О том, как она приносила домой обрезки ткани — «чтобы ты мог делать свои картины, у нас нет денег на холсты, но ты должен рисовать, это твой дар». О том, как она плакала по ночам, думая, что он не слышит — потому что ушёл муж, потому что денег не хватало, потому что врачи говорили, что у мальчика «психическое расстройство» и его нужно лечить. О том, как она отвечала врачам — уставшая, с мозолями на руках, но с несгибаемой волей: «Он не больной. Он особенный. И я не дам вам сломать его. Лучше попробуйте понять».

— Она единственная, кто видел нас всех, — сказал Бастиан. — Она не знала терминов. Не знала, что такое диссоциативное расстройство идентичности. Но она знала, что нас трое.

Она называла нас «мои мальчики» — во множественном числе. Она всегда ставила три кружки на стол. Одну — для Себастьяна. Одну — для меня. Одну — для Майло, хотя он ещё не появился. Она знала, что он появится. Говорила: «У моего сына будет много имён, но одно сердце».

Октавия слушала, и перед её глазами вставала картина: маленькая квартира в рабочем районе, три кружки на столе, женщина с уставшими руками и светлыми глазами, которая разговаривает с тремя личностями своего сына, как с равными. Которая не пытается их «вылечить». Которая просто любит.

— Она умерла в одиночестве? — спросила Октавия тихо.

— Да. В больнице. Нас не пустили — сказали, что мы не родственники, потому что совершеннолетние и живём отдельно. Бюрократия. Когда мы приехали, она уже... Её соседка по палате сказала, что она звала нас. Всех троих. По именам. В бреду, перед самым концом. Она знала наши имена. Все три.

Тишина. Ветер в трубке стих — Бастиан, видимо, закрыл окно.

— Я ношу её имя внутри, — сказал он. — Я не говорю его вслух. Это слишком... личное. Но когда мне совсем темно, я повторяю его про себя — и становится чуть светлее. Не потому что тьма уходит. А потому что я помню: однажды кто-то уже видел меня. Уже принимал. Уже любил. И если это случилось однажды — это может случиться снова.

Октавия закрыла глаза. За окном её квартиры тоже шумел ветер — ноябрьский, холодный, пахнувший снегом. Она думала о женщине, которая ставила три кружки на стол. О мальчике, который выжил. О тени, которая помнит всё.

— Она бы вами гордилась, — сказала Октавия.

— Почему вы так думаете?

— Потому что вы стали тем, кем она вас видела. Не функцией. Не симптомом. Личностью. Человеком. Другом. Вы — тот, кто защищает, помнит и ждёт. Вы — причина, по которой система до сих пор жива. Если бы не вы, Себастьян не выжил бы. Майло не появился бы. Ничего бы не было. Вы — основа.

Бастиан молчал. Так долго, что она подумала — связь прервалась. Потом он сказал — очень тихо:

— Спасибо. За то, что увидели. За то, что сказали. За то, что помните теперь вместе со мной.

— Это не работа, — ответила она. — Это честь.

— Спокойной ночи, Октавия.

— Спокойной ночи, Бастиан.

Она положила трубку. Посмотрела на зелёную кружку с трещиной, которая стояла на её столе. Подумала о трёх кружках, которые мать Себастьяна ставила на стол много лет назад. О том, что теперь на другом столе, в мастерской на набережной, стоят четыре кружки. И одна из них — её.

«Мы все носим мёртвых внутри, — подумала она. — Мы все ставим кружки для тех, кого нет. Мы все помним. И это — не проклятие. Это — любовь, которой некуда деться, кроме как в память».

4.2. Уроки дружбы

Через два дня после ночного разговора Октавия пришла в мастерскую с книгой. Это был старый, потрёпанный томик Булгакова — «Мастер и Маргарита» в издании восемьдесят четвёртого года, с пожелтевшими страницами и пометками на полях, сделанными ещё её рукой в университете. Книга, которую она перечитывала каждый год — и каждый раз находила в ней что-то новое.

— Я подумала, — сказала она, кладя книгу на стол, — что вам может быть интересно.

Себастьян взял книгу, прочитал название, и его лицо осветилось узнаванием.

— «Мастер и Маргарита». Я не читал. То есть... я начинал. Тогда, с Евой. Но она говорила, что это «декадентская чушь», что нормальным людям такое читать вредно. Она запрещала мне. Забирала книгу. Прятала. — Он провёл пальцами по обложке. — Я помню эту обложку. У меня была такая же. Я не смог её сохранить.

— Теперь сможете, — сказала Октавия. — Эта — ваша. Я дарю.

Бастиан, стоявший у окна, обернулся.

— Почему именно эта книга? — спросил он.

Октавия села на диван, взяла свою зелёную кружку (Себастьян уже заварил чай — он всегда заваривал чай к её приходу, это стало ритуалом, таким же незыблемым, как камни на подоконнике) и начала говорить:

— Потому что это книга о тенях. О том, что тьма — не всегда зло. Воланд — не дьявол в христианском смысле. Он — часть силы, которая «вечно хочет зла и вечно совершает благо». Он восстанавливает равновесие. Он наказывает тех, кто действительно виновен, и даёт покой тем, кто заслужил. Он — как вы, Бастиан. Защитник, который делает тёмную работу, чтобы система могла жить. Которого бояться — но который необходим.

Бастиан подошёл ближе. Сел за стол — впервые при ней он сел без приглашения, сам, осознанно. Это был жест доверия, и Октавия заметила его.

— Расскажите ещё, — попросил он.

— Там есть тема покоя. Мастер и Маргарита не заслужили рая — они заслужили покой. Вечный дом с венецианским окном, где они могут быть вместе, где их никто не тронет. Это не награда и не наказание — это именно то, что им нужно. Не свет. Не тьма. Покой. И мне кажется... вам тоже нужен покой. Не лечение. Не «нормальность». Не интеграция — если вы этого не хотите. А покой. Дом, где вы можете быть всеми своими тремя одновременно — и никто не скажет, что это неправильно. Где каждая кружка на своём месте.

Себастьян сидел, обхватив кружку обеими руками. Его глаза блестели — не от слёз, а от какого-то глубокого внутреннего света.

— Дом на четыре сердца, — прошептал он. — Вы знаете, я всегда думал о нашей системе как о доме. Три комнаты. Одна — моя, с мольбертом и серым небом. Одна — Бастиана, с камнями и тишиной. Одна — Майло, с утками и смехом. Но теперь... теперь четыре. Вы — четвёртая комната. Комната, где можно просто быть. Без анализа, без защиты, без необходимости радоваться. Просто быть.

Октавия не знала, что ответить. Она редко терялась — но сейчас слова застряли в горле. Она просто протянула руку через стол и коснулась его ладони — легко, ненадолго. Жест, который говорил больше любых слов.

Бастиан наблюдал за ними. Потом сказал — негромко, но с какой-то новой интонацией:

— Я читал эту книгу. «Мастера и Маргариту». Три года назад. По ночам. Когда система спала. Втайне ото всех.

Себастьян удивлённо посмотрел на него.

— Ты никогда не говорил.

— Я много чего не говорю. Я — тень. Тень не обязана отчитываться. — Он помолчал. — Но, наверное, должна делиться. Этому я ещё учусь.

— Чему? — спросила Октавия.

— Делиться. Тем, что внутри. Раньше я думал: это не нужно. Я — функция. Функции не делятся чувствами. Но теперь... — Он посмотрел на свою чёрную кружку. — Теперь я думаю иначе. Я читаю, потому что мне нужно понимать. Я не чувствую так, как Себастьян. У меня нет спектра эмоций — в том виде, в каком они есть у него. Есть долг. Есть защита. Есть гнев — иногда. Есть... привязанность. Но нет радости Майло. Нет грусти Себастьяна. Я читаю, чтобы понять, что чувствуют люди. Книги — это мои карты местности, на которой я никогда не был, но которую должен знать.

Октавия слушала его — и её профессиональный ум профайлера анализировал, сопоставлял, делал выводы. Но её сердце — то самое сердце, которое она когда-то считала атрофированным, — просто принимало. За тень, которая читает романы по ночам, чтобы понять, что такое радость. За защитника, который учится делиться.

— Вы чувствуете, — сказала она. — Просто по-другому. Не спектром красок — оттенками серого. Но серый — тоже цвет. И он может быть красивым. Посмотрите на ноябрьское

небо — оно серое. Но в нём есть глубина, которой нет в ярко-синем. Посмотрите на чёрную воду канала — она серая у берегов. Но именно эта серость делает её живой. Вы — не лишённый цвета. Вы — другой цвет.

Бастиан поднял на неё глаза. В них было что-то новое — не удивление, не благодарность. Скорее... облегчение. Как будто он ждал разрешения быть собой — и наконец получил его.

— Вы никогда не говорите мне, что я должен быть другим, — сказал он. — Почему?

— Потому что вы — такой. И этого достаточно. Вы не обязаны чувствовать, как Себастьян, чтобы быть настоящим. Вы не обязаны смеяться, как Майло, чтобы быть живым. Вы — это вы. Со своим спектром. Со своей серостью. Со своей тьмой, которая выбрала свет. И этого более чем достаточно.

Бастиан опустил голову. Его плечи — всегда расправленные, всегда в боевой стойке — чуть опустились. Не от слабости. От принятия. От того, что кто-то наконец сказал: «Ты такой — и этого достаточно».

— Никто не говорил мне этого, — сказал он. — Все говорили: «Ты — симптом». «Ты — защитный механизм». «Ты — не настоящий». А вы говорите: «Ты — такой». И это... другое. Это меняет всё.

— Это правда, — сказала Октавия. — Я не говорю того, во что не верю.

Себастьян смотрел на них обоих — и по его щекам текли слёзы. Он не вытирал их. Он просто смотрел, как его защитник, его тень, его брат, который двадцать шесть лет не верил в свою человечность, получает разрешение быть.

— Я люблю вас, — вдруг сказал он. — Обоих. Тебя, Бастиан. И вас, Октавия. Я знаю, это разное. Это не романтика — это... как любят дом. Как любят место, где можно быть собой. Как любят кружку, из которой пьют каждый день — и она становится родной.

Бастиан встал. Подошёл к Себастьяну. Положил руку ему на плечо — жест, который Октавия видела впервые. Обычно он держал дистанцию. Обычно он защищал на расстоянии. Сейчас — коснулся.

— Я тоже люблю тебя, — сказал он. — Я не умею говорить это. Слова для этого — не мои. Но я люблю. С первого дня. С той секунды, когда появился в тишине после удара. Ты был первым, кого я увидел. И я понял: я здесь, чтобы ты жил. Чтобы ты рисовал. Чтобы ты был.

Они стояли так — двое в одном теле, но сейчас Октавии казалось, что она видит их отдельно. Двух мужчин. Двух братьев. Две части одного целого.

Она отвернулась к окну — дать им минуту. На подоконнике лежали камни. Гладкая галька. Острый обсидиан. Зелёный нефрит — тот самый, который Бастиан приготовил для неё. Она взяла его в ладонь. Тёплый. Как всё, к чему он прикасался.

— Я возьму его, — сказала она, не оборачиваясь. — Нефрит. Если можно.

— Можно, — ответил Бастиан. — Я для вас его и купил.

4.3. Майло и страх

Майло появился позже — как всегда, неожиданно. Вот только что за столом сидел Бастиан — и вдруг плечи опустились, голова наклонилась, и мальчишеский голос сказал:

— А можно мне тоже чаю? С сахаром. С тремя кусками. И печенье. Которое с утками. Вы ели печенье с утками? Я сам испёк. Они в форме уток. Ну, почти в форме. Некоторые больше похожи на бегемотов, но я их всё равно называю утками.

Октавия подвинула к нему сахарницу.

— Ты слышал наш разговор?

— Я всегда слышу. — Майло взял три куска сахара, положил в рот один, два оставил на столе, выстраивая из них башенку. — Я внутри, но я слышу. Как радио. Только радио нельзя выключить. Иногда я затыкаю уши — ну, не настоящие уши, а внутренние, — когда Бастиан слишком серьёзный. Но сегодня я слушал. Потому что сегодня было важно.

— И что ты думаешь?

Майло посмотрел на неё — и она снова увидела этот странный, недетский взгляд, который появлялся у него, когда он говорил о важном.

— Я думаю, что ты — как мама. Она тоже видела нас всех. Она тоже не боялась. Она тоже ставила кружки. Бастиан сказал, что она бы тобой гордилась. Я тоже горжусь.

— Чем?

— Что ты наш друг. Что ты не убежала. Многие убегают. — Он начал загибать пальцы. — Была одна женщина до Евы — она сказала, что мы «жуткие», и больше не приходила. Была врач в интернате — она говорила, что нас нужно «интегрировать», что мы «диссоциативное расстройство», как будто это что-то плохое. Себастьян плакал потом три дня. Бастиан не спал неделю. А я рисовал чёрные картины — без уток. Утки не хотели приходить на чёрные картины. Утки приходят только когда есть свет.

— Интеграция — это плохо? — спросила Октавия осторожно.

Майло задумался. Построил ещё одну башенку из сахара — теперь на столе было три пирамидки, по числу личностей в системе.

— Это не плохо, — сказал он наконец. — Но это — неправда. Для нас. Мы не хотим исчезать. Мы хотим быть. Все. Вместе. Как дом. Если сломать стены и сделать одну большую комнату — это будет не дом. Это будет просто... комната. А дом — это когда много комнат. И в каждой — кто-то живёт. И у каждой — своя кружка.

— Ты очень умный, Майло.

— Я знаю. — Он улыбнулся — щербато, открыто. — Только взрослые думают, что дети глупые. А дети просто говорят короче. Но думают так же. Иногда — длиннее. Просто слов меньше, а мыслей больше.

Он взял одну из пирамидок и разрушил её — просто ткнул пальцем, рассыпав сахар по столу.

— Я боюсь, — сказал он вдруг тихо.

— Чего?

— Женщины в чёрном. Евы. Она... она обижала Себастьяна. Она говорила плохие слова. Она кричала. И когда она кричала, я прятался — глубоко-глубоко, туда, где никто не найдёт. Но я слышал. Я всегда слышал. И теперь, когда она снова здесь, я боюсь, что она сделает больно. Не мне — я спрячусь, я умею. Но Себастьяну. Бастиану. Тебе.

Октавия пересела ближе к нему. Она не была экспертом по детям — у неё не было своих, и она редко работала с несовершеннолетними. Но она знала, что нужно: присутствие. Правда. Отсутствие пустых обещаний.

— Я не могу сказать, что она не придёт, — сказала она. — Она придёт. Вероятно, скоро. Она попытается сделать больно — словами, не физически, она не физический агрессор, её оружие — манипуляция. Но я могу сказать другое: я буду здесь. Я не убегу. Я не скажу, что вы «жуткие». Я не буду кричать. И если она попытается — я встану между вами. Не как спасатель — как друг. Как тот, кто стоит рядом в бою.

Майло смотрел на неё большими, серьёзными глазами.

— Как Бастиан?

— Как Бастиан. Только без камней. Я не умею оставлять камни — я умею составлять профили. Это моё оружие.

— Научи меня, — вдруг сказал он. — Я хочу уметь. Чтобы защищать. Я не могу, как Бастиан — он сильный. И не могу, как Себастьян — он говорит красиво. Но я могу... знать. Если я буду знать, что она сделает дальше, я не буду так бояться.

Октавия посмотрела на него — восьмилетний мальчик, который хотел научиться профайлингу, чтобы защищать свою систему. Восьмилетний мальчик, который уже двадцать шесть лет прятался от криков.

— Хорошо, — сказала она. — Я научу. Но сначала — чай. С тремя кусками сахара. Потому что перед боем нужно пить чай. Это правило.

— Чьё правило?

— Моё. Только что придумала.

Майло засмеялся — звонко, по-детски, и на секунду в мастерской стало светлее, хотя за окном по-прежнему было серое ноябрьское небо и шёл снег.

4.4. Ночью, после

Ночью Бастиан сидел за столом с дневником. Он писал:

«Сегодня была важная ночь. Я рассказал Октавии о матери. Я никогда не рассказывал об этом никому — так, чтобы меня слышали. Она слушала. Она не перебивала. Она не говорила: "Это пройдёт" или "Ты справишься". Она просто слушала.

Потом она подарила Себастьяну "Мастера и Маргариту". Она сказала, что я похож на Воланда — на того, кто делает тёмную работу, чтобы система жила. Это странное сравнение. Но я понял. Я не зло. Я — необходимость.

Она сказала, что я — "другой цвет". Не лишённый цвета — другой. Серый, как ноябрьское небо. И что этот цвет — красивый. Я записал это. Я буду перечитывать.

Майло попросил её научить его профайлингу. Она согласилась. Я думаю, это хорошо. Майло нужно оружие. Его оружие — радость, но радость не всегда защищает. Иногда нужно знать.

Я чувствую... что-то. Я ещё не знаю, как это назвать. Но это похоже на то, что я чувствовал тогда, с матерью. Когда она ставила три кружки на стол. Когда она говорила: "Мои мальчики".

Может быть, это чувство — дом.

Я запишу это. Чтобы не забыть».

Он закрыл дневник. Посмотрел на четыре кружки на столе. На камни на подоконнике. На снег за окном.

«Спасибо», — подумал он. И сам не знал, к кому обращается — к Октавии, к матери, к системе. Может быть, ко всем сразу.

Глава 5. Ева. Портрет спасателя

«Она думает, что любит. Она не лжёт — она действительно верит в это. В этом и заключается трагедия. Самое страшное зло — не то, которое знает, что оно зло. Самое страшное зло — то, которое искренне считает себя добром. То, которое уничтожает тебя с улыбкой и словами: "Я просто хочу помочь"».

— Из профиля Евы, составленного Октавией

5.1. Подготовка к удару

Прошла неделя после того, как они отправили письмо. Ева не появлялась. Не писала. Не стояла под фонарём. Тишина была неестественной — как затишье перед грозой, когда воздух становится плотным и тяжёлым, а небо темнеет без видимой причины.

Октавия знала: это плохой знак. Она слишком хорошо изучила паттерны поведения — и у маньяков, и у обычных людей. Когда агрессор замолкает после получения чёткой границы, это означает одно из двух: либо он действительно принял отказ (вероятность низкая), либо он перегруппировывается и готовит новый удар (вероятность высокая).

Она приезжала в мастерскую каждый вечер. Это стало необходимостью — не просто желанием, а потребностью. Как дыхание. Как чай. Как камни на подоконнике. Она садилась на своё место — левый угол дивана, — брала зелёную кружку и наблюдала. За Себастьяном, который нервничал и рисовал больше обычного. За Бастианом, который стал ещё более бдительным — если такое вообще было возможно. За Майло, который почти не выходил вперёд, прячась глубоко внутри.

— Она что-то готовит, — сказал Бастиан однажды ночью, когда они сидели вдвоём на кухне. — Я чувствую. Не как угрозу — как... давление. Как будто воздух сгущается.

— Я тоже, — ответила Октавия. — Это интуиция, подкреплённая опытом. Я видела такое поведение у преследователей. Они не сдаются. Они меняют тактику. Прямая атака не сработала — теперь она попробует что-то другое.

— Что?

— Скорее всего, она попытается ударить не через вас, а через окружение. Через репутацию. Через общих знакомых. Или... — Октавия замолчала.

— Что?

— Или она попытается ударить через меня.

Бастиан посмотрел на неё долгим взглядом.

— Вы — часть системы, — сказал он. — Если она ударит по вам, она ударит по всем нам.

— Я знаю. Я готова. Я составляла профили серийных убийц. Я сидела напротив маньяков и не отводила взгляд. Одна женщина, которая считает себя спасительницей, меня не напугает.

— Дело не в страхе. Дело в том, что она бьёт не туда, куда вы ожидаете. Она бьёт в слабые места. В стыд. В вину. В сомнения. Она знает, куда бить, потому что сама — психолог. Недоученный, но психолог. Она понимает, как работает психика.

— Я тоже психолог, — напомнила Октавия. — И я знаю её профиль. Я знаю её слабые места. Она — спасатель-агрессор. Её главная уязвимость — потребность быть хорошей в собственных глазах. Если я ударю по этой потребности, она рассыплется.

— Вы хотите атаковать?

— Я хочу защищать. Но лучшая защита — это знание. Я должна понять её до конца.

5.2. Дар

Это случилось через два дня — утром, когда Октавия собиралась на работу.

Курьер. Коробка. Лента. Записка: «Октавии. От Евы».

Октавия открыла коробку в мастерской, при всех. Она не хотела делать это одна — это было бы нарушением принципа, который она сама установила: никаких тайн, никаких решений за спиной. Система имела право знать.

Внутри были фотографии.

Себастьян и Ева. На пляже — он смеётся, она обнимает его. В кафе — он рисует что-то в блокноте, она смотрит на него с обожанием. В мастерской — та же самая мастерская, тот же самый диван, те же самые стены, но на фотографиях — Ева, сидящая на месте, где сейчас сидит Октавия.

На обороте каждой — надпись знакомым почерком с сильным нажимом: «Мы были счастливы. Помнишь?»

И ещё одна записка — на этот раз адресованная лично Октавии:

«Октавия.

Я не знаю, что он вам рассказал. Но я хочу, чтобы вы знали правду. Мы были счастливы. По-настоящему. Я любила его — и он любил меня. Да, я совершала ошибки. Я была молодой. Я не знала, как правильно. Но я училась. Я хотела как лучше.

Вы думаете, что вы другая. Вы думаете, что вы понимаете его лучше. Но вы — такая же, как я. Вы анализируете его. Вы изучаете его. Вы хотите его "принять" — но на самом деле вы просто поощряете его болезнь. Вы говорите ему, что быть "множественным" — это нормально. Но это не нормально. Это расстройство. Это диссоциация. Это результат травмы, которую нужно лечить, а не принимать.

Я пыталась его лечить. Вы пытаетесь его принять. Кто из нас прав?

Я не желаю вам зла. Я просто хочу, чтобы вы знали: однажды он поймёт, что вы не можете ему помочь. И тогда он вернётся ко мне. Потому что только я знаю, что ему нужно на самом деле.

С уважением, Ева».

Октавия прочитала письмо дважды. Первый раз — быстро, сканируя. Второй — медленно, анализируя каждое слово. Потом положила его на стол и посмотрела на Себастьяна.

Он стоял бледный, сжимая кулаки. Его глаза были прикованы к фотографиям.

— Она прислала это вам, — сказал он. — Не мне. Вам. Почему?

— Потому что она поняла: вы защищены. Бастиан, Майло, я — мы образуем периметр. Прямая атака на вас не проходит. Значит, нужно атаковать самое слабое звено — или то, которое она считает слабым.

— Вы не слабое звено.

— Я знаю. Но она так не думает. Она видит во мне конкурентку. Она думает: если она посеет сомнения во мне, я уйду. И тогда система ослабнет. И тогда она сможет вернуться.

— Это манипуляция, — сказал Бастиан, беря письмо. Он пробежал его глазами — быстро, цепко. — Классическая. Она использует все три тактики одновременно. Жалость: «Я была молодой, я не знала, как правильно». Вина: «Вы поощряете его болезнь». Страх: «Однажды он поймёт, что вы не можете ему помочь». Всё в одном письме. Она торопится. Значит, она чувствует, что теряет контроль.

— Именно, — подтвердила Октавия. — Она в отчаянии. Отчаявшийся спасатель опаснее всего — потому что ему нечего терять. Она уже потеряла Себастьяна. Теперь она пытается потерять и меня.

— И что вы будете делать? — спросил Себастьян.

Октавия взяла фотографии. Посмотрела на них — на счастливые лица, на моменты, которые были настоящими когда-то, но стали ядом.

— Я не уйду, — сказала она. — Я не буду сомневаться. Я не дам ей того, чего она хочет.

— Но она...

— Она хочет, чтобы я увидела эти фотографии и подумала: «Они были счастливы без меня. Я — лишняя. Я — разрушительница». Она хочет, чтобы я прочитала письмо и засомневалась: «А вдруг я действительно поощряю болезнь? А вдруг ему нужна интеграция? А вдруг я неправа?» Она хочет, чтобы я ушла — из чувства вины, из страха, из жалости к ней.

— Но вы не уйдёте.

— Нет. Потому что я профайлер. Я видела таких, как она. Я знаю, как они работают. И я знаю главное: она не желает вам добра. Она желает себе — роли спасительницы. Вы для неё — не человек. Вы — проект. Миссия. Способ доказать себе, что она хорошая. Это не любовь. Это нарциссический контроль.

Майло, который появился незаметно и сидел на полу, поднял голову:

— Это как с утками. Есть утки, которые притворяются, что заботятся об утятах, а на самом деле просто хотят быть главными. Мы видели такую в прошлом году. Помните? Она крикала громче всех, но утят не кормила.

— Да, — сказала Октавия. — Именно так. Ева крикает громче всех. Но утят она не кормит.

Себастьян взял фотографии. Долго смотрел на них. Потом — на Октавию.

— Можно... можно я их сожгу?

— Это ваши фотографии. Ваше право.

Он подошёл к камину. Бросил снимки в огонь. Бумага скрутилась, почернела, рассыпалась пеплом.

— Я не хочу помнить это, — сказал он. — Я хочу помнить другое. Парк. Ноябрь. Как ты подошла ко мне. Как ты увидела нас. Как ты не испугалась. Вот это я хочу помнить.

Октавия подошла к нему. Встала рядом. Их плечи соприкоснулись.

— Я тоже, — сказала она.

5.3. Окончательный профиль

Вечером того же дня Октавия закончила полный профиль Евы. Она работала над ним несколько недель, но теперь, после письма и фотографий, все кусочки мозаики встали на свои места.

Она разложила листы на столе — при Себастьяне, при Бастиане, при Майло. И начала говорить — голосом лектора, который читает доклад, но с интонацией друга, который делится важным.

— Ева. Тридцать три года. Тип личности: спасатель-агрессор с нарциссическими чертами. Профессия: психолог-недоучка, коуч по отношениям. Статус: в активной фазе преследования.

Ключевые характеристики.

Первое: потребность в контроле. Она не выносит ситуаций, которые не может контролировать. Ваш уход, Себастьян, стал для неё не потерей любимого человека, а потерей контроля над проектом. Она не может с этим смириться.

Второе: идентификация через помощь. Она строит свою личность на том, что она — спасительница. Если её лишить этой роли, она теряет себя. Поэтому она не может принять, что вы исцеляетесь без неё — это разрушает её идентичность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.